

Акт интимной близости, за которым в молчании наблюдали лишь комнатные растения, подошел к концу.

Оба они теперь лежали на теплом полу с подогревом. Чу Юнь, словно ища защиты, тесно прильнул к груди Ши Цзяня; возможно, выпитый алкоголь лишь усилил его и без того глубокую усталость, и он, не выдержав этой разрушительной, неистовой бури страсти, быстро обессилел и погрузился в глубокую дремоту.

Ши Цзянь последовал его примеру, стараясь выровнять дыхание в эти драгоценные минуты покоя.

Натянув пиджак на всё сильнее прижимающегося к нему Чу Юня, Ши Цзянь повернул голову, глядя на разбитую вдали стеклянную бутылку. В его душе не было ни тени печали или грусти; лишь привычная, всплывающая всякий раз мысль: у дешевых вещей всё же есть свои неоспоримые преимущества.

Всё его тело ныло от тупой боли, идущей из самой глубины, но он не позволял этому отразиться на лице, лишь внезапно и отстраненно подумал о том, что пора возвращаться в комнату. Ведь Чу Юнь был тем еще капризным и избалованным «принцем на горошине», и если он проспит всю ночь на жестком полу, то на утро неизбежно почувствует себя совершенно разбитым.

- Господин...

- Тсс, - тихо напомнил Ши Цзянь.

Дворецкий, не смея поднимать глаз, почтительно поклонился и удалился.

Полуобняв и поддерживая Чу Юня, Ши Цзянь по тому, как тяжело было нести его, понял, что действительно сильно похудел. Его собственное тело, которое во время съемок в фильме «Безымянная птица» превратилось в настоящий скелет, обтянутый бледной кожей, за последний год постепенно пришло в норму.

Однако Ши Цзянь подумал, что может предложить Чу Юню не так уж много, и поддержание

идеальной формы было важной частью их отношений. Способность выдерживать неистовый напор Чу Юня была одним из важнейших критериев.

В галерее «Наследие» Чу Юнь неоднократно напоминал ему следить за фигурой, поэтому Ши Цзянь ел совсем мало, а сегодня, почувствовав, что Чу Юнь стал тяжелее, понял, что питается он всё же недостаточно. Чу Юню не нравились ни слишком атлетичные, перекачанные тела, ни костлявые объятия, что тоже было своего рода постоянной головной болью для Ши Цзяня.

- Брат... - пробормотал Чу Юнь.

Ши Цзянь мгновенно открыл глаза и, мягко похлопав его по спине, успокоил:

- Я здесь.

После пьяных выходок Чу Юнь выглядел так, будто перенес тяжелую болезнь, и, прижавшись к Ши Цзяню, недовольно хмурился.

Он был по-настоящему красив. Возможно, ради высокого искусства или просто из какого-то внутреннего духа противоречия, он отрастил волосы, которые теперь беспорядочно разметались по его осунувшемуся лицу. Вся его привычная дерзость и острота исчезли, а природный шарм и эксцентричность скрылись, легко вызывая в сердце желание защитить его.

Это был облик, который мог видеть только Ши Цзянь.

В беспокойном сне Чу Юнь плотно прижимался к Ши Цзяню, стараясь полностью спрятаться рядом с ним, не оставляя ни единого просвета, и явно не собираясь уходить раньше времени.

Ночи в резиденции Чжоуинь чаще всего проходили именно так - в подобном прекрасном покое. Мужчины и женщины вокруг него приходили и уходили, но Ши Цзяня это совершенно не заботило. Им всё равно не было добраться до самого подножия резиденции Чжоуинь.

Куда бы ни уходил Чу Юнь и что бы ни делал, как бы глубока ни была ночь, он всегда возвращался. И единственным человеком, который встречал с ним рассвет, был Ши Цзянь.

Это не звучало как нечто, приносящее абсолютное счастье, но Ши Цзянь с самого начала радовался этому, ведь он... просто не знал, как справляться с подобными сценами. Даже при одной лишь мысли о том, чтобы столкнуться с каким-нибудь гордым павлином, который явится к нему, задрав голову, и высокомерно заявит: «Молодой господин любит меня больше», Ши Цзянь начинал внутренне нервничать.

С этой точки зрения, у Чу Юня появилась еще одна веская причина считаться его благодетелем.

- Брат?

Чу Юнь не открыл глаз, голос его звучал хрипло и вкрадчиво, с оттенком предельной растерянности. Неизвестно, что именно его потревожило в этом сне.

- Всё хорошо, я здесь, - Ши Цзянь лег обратно, позволяя бедному ребенку прильнуть к своей шее, словно потерявшемуся человеку, который наконец-то нашел дорогу домой.

Там еще оставались красные следы от пальцев, которые он сам же и оставил, но теперь они превратились в нежные розовые пятна.

Утро в городе Гент было густо окутано молочным туманом.

Величественная Часовая башня в этой дымке казалась почти нарисованной, или, возможно, он когда-то видел её на какой-то старинной картине в галерее «Наследие».

Здесь было довольно много персонала, но в ресторане стояла неестественная, почти гнетущая тишина, и, поскольку пришел Ши Цзянь, на длинном столе уже была расставлена еда.

Ши Цзянь принес с собой книгу, а так как второго человека рядом не было, он продолжал читать, понемногу завтракая.

«Люди всегда говорят, что мир в глазах Уве был черно-белым, а она была цветом, всем его цветом».

Ши Цзянь остановился, вернулся назад и перечитал эту фразу еще раз, а затем поднял голову, глядя через красивое стеклянное окно на площадь, где утренний туман еще не успел рассеяться.

Он отлично адаптировался. Ши Цзянь привык к этому холодному и абсолютному «пассивному участию».

Например, еще несколько дней назад Чу Юнь устроил грандиозный скандал, превратив оранжерею в руины, а спустя пару дней, не сказав ни слова, через Ли Чжися оповестил, что берет Ши Цзяня с собой в деловую поездку.

Чу Юнь действительно был занят по горло. Ши Цзянь знал, что тот столкнулся с крайне трудной работой, поэтому на его лице не было ни тени улыбки.

В день перед отъездом из Тяньчэна его телефон не умолкал ни на минуту. Ши Цзянь совершенно не владел французским языком, но гнев он понимал без всякого переводчика.

Та внешняя элегантность, которая в общепринятых стереотипах должна была ощущаться как мягкий шелк, вылетала из уст Чу Юня, словно острые гвозди; даже сам его тон был настолько резким, что мог бы порезать кожу.

Неизвестно, что говорили на том конце провода, но Ши Цзянь подумал, что у собеседника, вероятно, не было ни единого шанса вставить и слова. В этом крайне длинном разговоре Чу Юнь замолчал лишь в самом конце, буквально на десять секунд.

Чтобы отвлечься от шума, Ши Цзянь заставлял себя читать книгу слово за словом, но внезапная тишина, напротив, резко вырвала его из погружения. Чу Юнь произнес последнюю фразу, которую он не понял.

«Одна крупица» чего-то «черно-коричневого»?

Пока Ши Цзянь пытался осмыслить услышанное, телефон с силой полетел в стену, и экран мгновенно покрылся густой сетью трещин.

Ши Цзянь встал и, нахмурившись, посмотрел на Чу Юня, не зная, насколько раздражающей была работа на том конце провода. Он хотел, чтобы Чу Юнь успокоился.

Но, как и французского, Ши Цзянь не понимал специфики работы Чу Юня, поэтому мог лишь отвести взгляд и снова погрузиться в чтение книги.

В отличие от посторонних людей, которые судили о Чу Юне предвзято и поверхностно, Ши Цзянь умел по-настоящему ценить его. Его работа, как и он сам, обычно была красивой и элегантной, подобно утреннему Генту, плывущему в дымке, которая окутывала его туманным и почти мистическим ореолом.

Периодические вспышки ярости можно было понять. Та жестокость, что была направлена на Ши Цзяня, по его мнению, происходила от глубокой внутренней неуверенности.

Чу Юнь жаждал, чтобы Ши Цзянь снова и снова, бесконечно заверял его в своей абсолютной преданности, хотел, чтобы Ши Цзянь безоговорочно принадлежал ему и во всем подчинялся.

Ши Цзянь всегда справлялся с этим отлично.

Что касается причин, Ши Цзянь думал, что их нет - и разум, и сердце безостановочно кружили, ударяясь о ребра и отзываясь эхом: «Я люблю его».

Ши Цзянь был сиротой без прошлого, Чэньхуа был его спонсором, а Чу Юнь - спасителем. Он часто недоумевал, когда в груди становилось тяжело, и, прикрывая это место рукой, думал, что Чу Юнь подарил ему жизнь, поэтому Ши Цзянь не должен испытывать никакого недовольства.

Подобная жизнь могла показаться абсурдной мелодрамой, но Ши Цзянь не разделял этого мнения.

Его разум никогда не подавал сигналов сопротивления; быть рядом с Чу Юнем было его собственным, глубоко осознанным желанием.

Ши Цзянь и сам не знал, в какой именно момент он заболел; просто однажды внутри него поселилось кровожадное чудовище: чем дольше жил он сам, тем сильнее становилось и оно. Начиная с самого сердца, оно прорывало желудочки, прогрызало крошечное отверстие в клапане и бесцельно бродило по всему телу Ши Цзяня, медленно пожирая его плоть и душу.

Часто Ши Цзянь чувствовал себя лишь пустой оболочкой, в моменты пробуждения совершенно забывая о своем прошлом, словно перерождаясь из кокона и становясь абсолютно новым человеком. Его искалеченное сердце и измученный разум постоянно что-то теряли без всякой видимой причины; воспоминания накатывали на него, подобно сокрушительному цунами, превращая всё внутри в руины и смешивая в одну неразличимую массу лица людей и обрывки событий.

Лишь одно оставалось неизменным: Ши Цзянь снова и снова, раз за разом, влюблялся в Чу Юня.

Любить Чу Юня – такова была судьба Ши Цзяня. По крайней мере, он сам искренне в это верил.

С этой стороны он, возможно, и впрямь выглядел жалко: тот, кого он любил всем своим существом, никогда не сможет полюбить его в ответ. Те крохи любви, что изредка просачивались сквозь пальцы, даже не были для Ши Цзяня подачкой – это были лишь остатки бурных чувств, когда-то предназначенных «тому человеку». Но, пролившись на землю, они стали для Ши Цзяня живительным дождем, оросившим его иссохшее и потрескавшееся сердце.

Впрочем, это было не так уж и важно.

К тому же, взгляд Ши Цзяня постепенно сфокусировался в рассеивающемся утреннем тумане, и он, поднеся чашку кофе к губам, подумал: «Чу Юнь не так уж и плох...»

Легкий, почти невесомый поцелуй коснулся его щеки, а затем переместился к губам. Ши Цзянь послушно опустил голову и ответил на этот поцелуй.

- Хорошо спал? - спросил Чу Юнь.

Он уже успел сесть за стол, завтрак был подан, а официант тихо отступил на почтительное расстояние.

Чу Юнь, видимо, забыл, что уже задавал этот вопрос, когда Ши Цзянь только проснулся – тогда он приоткрыл один глаз и крепко схватил его за руку.

- Хорошо спал? – лениво пробормотал он, вновь закрывая глаза.

В ответ он получил лишь нежный утренний поцелуй и шепот: «Спи, я буду внизу».

Чу Юнь тогда лишь слегка улыбнулся, продолжая сжимать запястье Ши Цзяня, и снова погрузился в сон.

Ши Цзянь поставил чашку на стол; книга, лежавшая сбоку, уже была закрыта рукой Чу Юня.

- Сколько раз нужно повторить, чтобы ты наконец избавился от этой дурной привычки? – спросил Чу Юнь, поднимая глаза и улыбаясь. – Чему ты улыбаешься?

- Ничему, – тихо ответил Ши Цзянь.

Чу Юнь переложил половину панкейка на чистую тарелку Ши Цзяня.

- Ли Чжися совсем сошел с ума?

- Не вини его, – Ши Цзянь взял нож и вилку, принимаясь доедать то, что Чу Юнь счел лишним.
- Это я выбрал меню.

Их диалог представлял собой такой естественный обмен фразами, который остался бы совершенно непонятным для любого постороннего.

Чу Юнь остался недоволен; он отложил приборы, опустил руку на край стола и пристально уставился на Ши Цзяня.

- Тогда почему ты намеренно заказал то, что я не люблю?

Стоявший позади официант мгновенно напрягся, словно оказался перед лицом смертельной опасности, и что-то поспешно зашептал в гарнитуру.

Разумеется, Ши Цзянь этого не делал – он просто по привычке взял всю вину на себя. Он предположил, что Чжися, возможно, слишком замотался и просто забыл, или были какие-то иные причины, но если молодой господин начнет придираться, мир Чжися снова рухнет.

Ши Цзянь мягко извинился:

- Прости, я забыл.

Чу Юнь был заметно раздражен; он с резким звуком бросил нож и вилку на салфетку.

Ши Цзянь лишь улыбнулся, медленно вытер его руки и подал новые приборы.

- В следующий раз такого не повторится, хорошо?

Шеф-повар лично вышел в зал, чтобы заменить блюдо на то, что в точности соответствовало вкусам Чу Юня, но не успел он даже извиниться, как был остановлен и отослан прочь.

Ши Цзянь взял приборы и начал аккуратно нарезать стейк для того, кто с самого утра был не прочь плотно поесть.

Чу Юнь со спокойной душой наслаждался этой жизнью, ведя себя так, словно у него вовсе не было собственных рук, и в уголках его губ играла едва заметная улыбка.

Туман окончательно рассеялся, и яркий солнечный свет залил комнату. Когда Ши Цзянь поднял голову, Чу Юнь выглядел невероятно мягким. Он подпер щеку рукой, склонив голову

набок, словно в его теле совсем не осталось костей.

- А-а-а, - он открыл рот и крайне бесцеремонно указал на себя, ожидая, пока Ши Цзянь его покормит.

Как только рука Ши Цзяня приблизилась, он снова перехватил его за запястье - не сжал крепко, а лишь, словно легкий ветерок, нежно погладил и помассировал кожу.

Этот завтрак дался нелегко, но Ши Цзянь всё время оставался покладистым и терпеливым. Так продолжалось до тех пор, пока в комнату не вошел Ли Чжися, который снова испуганно прижался к дверному проему.

Чу Юню было совершенно плевать, что какой-то там Чжися видит их проявления нежности; он велел тому ждать, настаивая, чтобы Ши Цзянь продолжал его кормить.

Скорость движений Ши Цзяня невольно возросла, он стал действовать всё быстрее и быстрее, пока Чу Юнь не нахмурился и, выражая недовольство, не постучал ножом по краю чашки.

Ли Чжися заметно задрожал, мгновенно поняв, что мешает, и съежился, стараясь буквально исчезнуть с глаз.

- Помощник Ли, - позвал его Ши Цзянь, - ты уже завтракал?

Ли Чжися поспешно ответил:

- Да, ел.

- У тебя какое-то срочное дело?

Ли Чжися мысленно добавил господину сто восемьдесят первую «линию благодарности», понимая, что тот дает ему редкий шанс заговорить.

- Говори, - Чу Юнь вытер рот и небрежно бросил салфетку на стол.

- Есть! - Ли Чжися поспешно подбежал, но внезапно снова прикрыл рот рукой.

Ши Цзянь встал со своего места.

- Я хочу немного прогуляться.

- Мы же договорились, что я составлю тебе компанию, - сказал Чу Юнь.

Ши Цзянь улыбнулся.

- Я не уйду далеко.

- Жди меня, - решительно приказал Чу Юнь и повернулся к Чжися. - Говори быстрее.

Ши Цзянь больше не настаивал и собрался подняться наверх, но Чу Юнь снова перехватил его за запястье. Он лишь беспомощно улыбнулся Чжися и тихо замер на месте.

Ли Чжися внезапно глубоко вздохнул, закрыл планшет в руках и серьезно произнес:

- Ничего страшного, молодой господин.

- Запиши себе штраф, - недовольно бросил Чу Юнь, глядя на него как на полного идиота.

Ирония заключалась в том, что автором этой абсурдной системы наказаний был сам Ли Чжися.

Молодой господин узнал о возможности «вычитать из зарплаты» в тот год, когда Ли Чжися, совершив множество ошибок, со слезами на глазах каялся перед ним: «Даже если вы вычтете всю мою зарплату, это будет справедливо!».

С тех пор это стало стандартным способом выражения недовольства Чу Юня. Его непосредственный начальник, Цзян Кэянь, узнав об этом, лишь надолго замолчал, а затем добавил одно условие: вести подробный и детальный список всех вычетов.

Для Ли Чжися это не было катастрофой; напротив, это заставляло его быть предельно осторожным, чтобы не совершать одних и тех же ошибок, и эффект оказался превосходным.

К сожалению, его работодатель был тем еще «предком», который не следовал никаким правилам, поэтому, даже если Чжися избегал сотни прежних ошибок, всегда находилась сто первая, самая невообразимая.

Поэтому, когда Чу Юнь, крепко держа Ши Цзяня за руку, ушел, Чжися, одновременно соглашаясь и сетуя, послушно и старательно записал в список рабочих ошибок: «Помешал молодому господину наслаждаться драгоценным временем, когда его кормил господин».

<http://bllate.org/book/17941/1720609>